

Паника ширилась. Она катилась по улью Принципал и дальше, за его границы, словно волна от подземного толчка. Некоторые районы Высокой Кузницы и часть ее ноосферных подсетей либо отключились, либо перестали пропускать связь. На улицах вспыхнули беспорядки, особенно в нижних кварталах и на уровнях провалов. Вмешались СПО. Для поддержания порядка вокруг всех значительных имперских храмов и церквей главной ульевой зоны были выставлены сторожевые кордоны. В самой Великой Министории, в ее крытых галереях и внутренних дворах, собирались разозленные кучки иерофантов Орестской Экклезиархии со своей прислугой, требуя от Гаспара Луциула аудиенции, требуя комментариев. Прелат экуменик игнорировал их просьбы и делегации и, запершись в кабинете, обсуждал ситуацию со своими самыми старшими и ближайшими советниками.

В своей резиденции на вершине Ореста Принципал лорд-губернатор поднялся на ноги и прошел к толстому экранированному окну. Он смотрел на полускрытую пеленой дыма громаду Кузницы, словно на ребенка, который неожиданно и сознательно обманул его надежды.

— Трон, что это такое? — задал он вопрос, ни к кому особенно не обращаясь. — Святый Трон, что это такое? Механикус занимаются в военное время этим? Немедленно вызвать этого старого ублюдка на связь!

Ближайший к нему помощник, ожидающий приказов, замялся. Он почти физически ощущал исходящий от лорда-губернатора гнев.

— Э-э, прошу прощения, сэр. Под «старым ублюдком» вы имели в виду адепта сеньорус?

Алеутон яростно развернулся:

— Именно так, черт побери! Вызовите его. Вызовите его мне немедленно!

Помощник попытался исполнить приказание.

— Милорд, все каналы забиты. Сеть скованна трафиком.

— Просто воксом?

— Тоже, сэр.

— Пробуйте еще. И отправьте в Кузницу курьера. На самом деле пошлите туда взвод наших лучших солдат, вооруженных. Пусть потребуют аудиенции. Передайте им, чтобы отказов не принимали. Я этого не потерплю!

— Слушаюсь, милорд, — ответил помощник и торопливо покинул зал, вызывая штабных гвардейцев.

— Сообщают о гражданских беспорядках в Бастионах и Трансепте, милорд, — возвестил начальник штаба, поднимая голову от планшета, оборудованного каналом связи.

— Остановите их. Усильте численность СПО!

— Милорд, но у нас нет...

— Мобилизуйте четвертую очередь резерва! Мобилизуйте весь персонал Орестской Гордой, расквартированный в улье. Раздавите их!

>

Стефан Замстак не стал возвращаться домой в Мейкполь. Ночь он провел без удобств в подблочном складе, намереваясь сначала прочистить мозги, а до дома добраться после того, как рассветет.

Когда он проснулся — серый свет дня заглядывал внутрь сквозь пустотелые кирпичи и слуховые окна, — то понял, что планам его сбыться не суждено. На улицах снаружи творилась невероятная суматоха. Везде было полно магистратов и отрядов СПО,двигающихся от квартала к кварталу, словно выискивая что-то.

До Стефана дошло, что ищут его. Они шли, чтобы взять его за то, что он сделал с тем портовым грузчиком.

Стефан Замстак тихо застонал. В голове стучали молотки, кишки горели. Во рту было так сухо, словно его набили уплотнителем для вакуум-тары. Стефан выскользнул из пахнущего плесенью склада, держась в тени мостков, идущих под провалом за Случайным Холмом. Жажду он утолил из публичного фонтанчика на углу Пилорезного Ряда, где тот сходил с лестницей в Провальную Падь. Сложив ладони ковшиком, чтобы напиться, Стефан попытался смыть кровь с костяшек пальцев и отчистить ее засохшие остатки вокруг ногтей. Одежда коробилась от засохшей крови. На темных штанах не очень заметно, но рубашка и куртка почти полностью в обличающих коричневых пятнах.

Он понимал, что на него смотрят прохожие, и поспешил уйти. Он спустился по широкой каменной лестнице в грязные подуровневые улицы Провальной Пади, где крался, пряча лицо, по узким переулкам, зажатым между задними стенами арендных жилых блоков.

Его отвращение к самому себе стало абсолютным после того, как он стащил влажный жилет и рабочую рубашку с бельевой веревки у провального жилья и убежал.

Даже подуровневые улицы кишели людьми. Стефан прятался за какими-то дрянными телегами, пока мимо не прогудел транспортер Магистратума, затем отодрал несколько гнилых фибровых досок от забора, огораживающего заднюю сторону части заброшенного жилблока, и

пролез внутрь.

Здесь пахло плесенью, мочой и безнадежностью. Это место пустовало уже несколько лет. В грязной гостиной еще осталось что-то из жалкой мебели. Наверху, в чердачной спальне, стоял ржавый каркас кровати с голым, покрытым пятнами матрасом. Стефан лег, прижимая к груди краденую одежду.

Высоко наверху, под свесом крыши маленькой комнатки, он увидел останки домашнего алтаря. Над грубой потускневшей аквиллой, словно газовый полог, висела паутина. Стефан встал, подошел к алтарю и смахнул ее. На ощупь паутина напоминала шелк. Стефан дунул — и закашлялся от взметнувшегося облака пыли.

Затем преклонил колени на грубом дощатом полу.

Он думал о Кастрии, о Райнхарте и портовой бригаде, о грузчике с Танит, который вывел его из себя. Перед глазами у него стоял небольшой домашний алтарь в его квартирке в провале Мейкполь. Он вспомнил букетик цветов в крошечной стеклянной жертвенной бутылочке, который Калли меняла каждый день, ни разу не пропустив, пока не ушла.

Никакой конкретной членораздельной молитвы в голову не приходило, ни слова раскаяния, ни мольбы о спасении души, ни даже «Общей молитвы Трону», которую в школе они повторяли каждое утро.

Стефан чувствовал, что ему нечего сказать Богу-Императору, ничего такого, что имело бы значение.

Он убил человека, за ним шли, чтобы арестовать, и что хуже всего — Калли его никогда бы не простила.

На улице в срединном улье осыпали бранью и камнями служителей и магосов Механикус. Бесчинствующая толпа разломала нескольких убогих сервиторов-посыльных. СПО принялись перекрывать кварталы и разгонять людей.

Цинк решил не открывать сегодня утром ворота Сада Достойных. Когда по лужайкам и дорожкам поползли лучи солнца, он спрятался в своей будке. На Постном Ряду бурлила озлобленная толпа. Через стену сада летели бутылки, камни, брань. Цинк пугался и вздрагивал каждый раз, как брошенный предмет портил клумбу или отбивал кусок от бюста.

Скоро придет Племиль, принесет завтрак. Тогда дела пойдут лучше. Племиль велит им всем пойти прочь, и тогда Цинк сможет взяться за уборку этого беспорядка.

— Предатель! — крикнул человек Цемберу прямо в лицо.

— Но, сэр, я просто...

— Механикусовский прихвостень!

— Сэр, я лишь...

Человек ударил его по лицу и сломал зуб. И плюнул в него. Цембер отшатнулся, вспыхнув от боли и негодования. Он вытолкал человека метлой прочь и закрыл на засов «Анатомету». Тот принялся яростно колотить в дверь магазина. Дверь затряслась.

Цембер торопливо опустил жалюзи на дверях и передних окнах. По металлическим шторкам забренчали камни. Снаружи, на восемьдесят восьмом уровне коммерции, люди сходили с ума. Они просто теряли всякий разум.

Почувствовав себя на минутку в безопасности, Цембер попытался успокоить свое старое сердце. Он выплюнул в эмалированную чашку осколки зуба и уставился на мелкие кусочки желтой кости, плавающие в розовой слюне.

— Что, Бога-Императора ради, я такого сделал? — пожаловался он, трогая ноющую дырку от зуба кончиком языка.

В жалюзи время от времени ударял случайный камень. На прилавке были выстроены ярко окрашенные титаны: новые, с иголки, готовые к войне. Они смотрели на Цембера, словно ожидая приказа запустить двигатели и отправиться на защиту магазина.

Открытый пикт-проигрыватель показывал общий канал. По экрану бежали данные. Постоянно повторялось слово «ересь». С дрожащими от потрясения руками, Цембер читал и перечитывал ошеломляющие новости.

— Этого не может быть, — произнес он невнятно. Слова еле шли из распухающих губ. — Так совсем не годится. Разве это может быть правдой?

Цембер поднял взгляд на поблекших кукол, рассаженных по полкам.

Они ничего не ответили. Они, казалось, отводили свои нарисованные и блестящие стеклянные глаза, как бы увидев что-то более интересное. Они словно осуждали его.

>

Этта Северин составляла свежий доклад, когда в дверь каюты тихо постучался Готч.

— Что такое, Готч? — спросила она, впуская его. — Главное наступление уже началось? Крузий сказал...

Готч закрыл за собой дверь каюты и задвинул засов. Это ее встревожило. Когда Готч вытащил свой пистолет и проверил заряд, сердце Северин затрепетало.

— Майор, что, во имя Трона, происходит?

— Вы не связывались сегодня с Принципалом, мамзель? — спросил он.

— Нет. Со службой связи какие-то проблемы. Я предполагала, что это из-за атмосферных помех.

— Нет, не из-за помех, — сказал майор.

— Готч, ты меня пугаешь.

Готч внимательно посмотрел на Северин. Глаза у него были холодными и темными, словно нарисованные глаза фарфоровой куклы. Шрам на правой щеке кривился такой же подковой, как в тот день, когда появился. Губы майора были плотно сжаты.

— Я сам себя пугаюсь, мамзель, — ответил Готч.

Он сунул пистолет в кобуру и перебрался к своему вещмешку, запиханному в нишу для вещей. Этта смотрела, как он вытаскивает два комплекта нательной брони и керамитовый оружейный ящик, в котором хранился разобранный хеллган.

— Вы будете в безопасности, мамзель, — говорил Готч, не прерывая своего занятия. — Я клянусь вам, как поклялся лорду-губернатору. Я буду вас оберегать.

— От чего, Готч? От чего?

Он отпер ящик своей биометрикой и начал вынимать детали оружия. Этта вздрагивала каждый раз, как очередная деталь со щелчком вставала на место. Готч собирал оружие быстро и по-профессиональному четко.

— Один Трон знает, — ответил он, целиком сосредоточившись на своем занятии. — От Механикус, возможно? Я был наверху, на мостике, с Крузием. Каналы связи сошли с ума. Что-то случилось в улье.

— Что? — спросила она.

— Насколько я могу понять, — ответил Готч, прищелкивая на место приклад, — Механикус только что опубликовали документ, в котором они отрекаются от Императора.

— Что?.. — растерялась она. — Что ты сказал?

— Все плохо, мамзель. Кузница только что предала огласке доказательства, что наш Император — наш Император! — вовсе не их Омниссия.

— Помедленнее, майор. Ты говоришь какую-то ерунду.

Готч вытащил пистолет и протянул его ей рукояткой вперед.

— Вы умеете обращаться с оружием? Такая женщина, как вы, держу пари, должна уметь.

— Убери его и поговори со мной! — рявкнула Этта.

— Нет времени, — возразил Готч.

— Уберите пистолет, майор! — приказала она.

Готч пожал плечами и сунул тяжелый пистолет обратно в кобуру.

— А теперь расскажи мне в подробностях, какого черта там происходит.

Готч хлопнул глазами, ужаленный столь низким словом из уст высокородной дамы. И начал очень аккуратно подбирать слова:

— Документ, старинный документ, был предан огласке в Оресте Принципал сегодня поздно ночью. Источник неизвестен, но, могу поклясться вашим прелестным личиком, он появился из Кузницы. Документ претендует на неоспоримое доказательство, что наш Бог-Император — не Омниссия, которому поклоняются Механикус. Неопровержимое доказательство, как сказал этот фриганный Крузий, прошу простить мой провальный сленг.

— Прощаю. Продолжай.

— Ну и все. Все основы имперских отношений с Механикус псу под хвост. Они заявляют — подтверждают документально, спасибо Трону, — что Император — не божество, только не для них. Только не в их глазах. Если все пойдет так, как я думаю, то прольется немало крови.

Этта уставилась на него. Готч подождал секунду, не начнет ли она говорить, затем снова принялся за сборку оружия.

— Прекрати, — велела она, выставив руку. — Прекрати, Готч. Я не могу так думать!

Готч остановился, положив полусобранный хеллган на колени.

— Чего тут думать-то? — спросил он.

Этта покачала головой, размышляя:

— Раскол. Согласно древним преданиям, марсианские Кузницы объединились с нами лишь на том условии, что мы поклоняемся одному и тому же богу. Они признали, что наш Император — аспект их собственного божества. Мы были отдельными империями, соединившимися общей верой.

— Ага, это было тогда, — сказал он. — Теперь все пошло по мохнатке. Похоже, они теперь могут доказать, что их бог — не наш бог, а наш бог — вообще не бог. В Кузнице полная катастрофа. Улей слетел с катушек. Везде беспорядки.

— Могу догадаться.

Готч пожал плечами:

— И все остальное. Верующие в панике. Летят камни. Адепты жгут чучела Императора на Кузнечной авеню. Наш собственный фриганный народ сжигает чучела Омниссии на Императорской площади. Бардак, мамзель. Но вы должны знать, что я буду приглядывать за вами, несмотря ни на что. Это моя работа.

— Я признательна, майор. Будешь приглядывать за мной, несмотря на что? На Крузия, например?

Готч помотал головой:

— Он в порядке. Я считаю, он вполне нормальный парень, но у него сейчас полон рот забот, как и у нас. Ему смешали все карты. Тем не менее это он велел мне спуститься сюда и обеспечить вам безопасную обстановку.

Этта уставилась на него.

— Так это ты обеспечиваешь мне безопасную обстановку? Мне еще никогда не обеспечивали безопасную обстановку.

Готч ухмыльнулся, и шрам в виде подковы уродливо изогнулся.

— Привыкайте, мамзель. Крузий беспокоится, что определенные группы на этом краулере могут не стерпеть на борту присутствия имперцев.

— А ты что думаешь? — спросила она.

Готч защелкнул ствол хеллгана на место и подключил кабель питания. Послышался неторопливый нарастающий гул.

— Я думаю, что есть мы, а есть они, мамзель.

Этта кивнула:

— Я согласна с тобой.

— Отлично, — сказал Готч.

— Замуаль, я вверяю тебе присматривать за мной.

Готч кивнул:

— Можете не беспокоиться за свое прелестное личико.

— Когда ты так говоришь, ты издеваешься надо мной? Я прошла омоложение, как ты наверняка догадался. Ты издеваешься надо мной, майор?

— Даже в мыслях не держал, мамзель.

Тронутая, она спрятала улыбку.

— Ты говорил, что думаешь, я могу управляться с оружием. Ты думал, что я из таких женщин?

— Конечно. Из таких ведь? — поинтересовался он.

Этта кивнула. Одним плавным движением он выхватил пистолет и бросил ей. Она поймала оружие, перехватила поудобнее, подняла на уровень глаз и оттянула затвор, проверяя заряд.

— Я так и думал, — осклабился Готч.

— Меня отец научил.

— Не думал, что у вас с ним такая любовь была, — заметил майор.

— Не было. Но он знал, как убивать.

— Значит, это Провидение, мамзель, — сказал Готч. Он поднялся на ноги. Силовой ранец хеллгана свисал с его правого плеча. Собранное оружие удобно лежало в руках.

С нижних палуб краулера раздались повышенные голоса. Этта услышала крики, топот бегущих ног и грохот кулаков, барабнящих в двери отсеков.

— Значит, только ты и я, а, Замуаль? — спросила она.

— О другом и не мечтал, мамзель, — ответил майор.

>

Солнце так медленно поднимало голову, словно у него болела шея. Пыльная буря, измывавшаяся над Торным Следом, стихла перед рассветом.

Калли Замстак выбила наружу дверь модульного дома. Ночью нанесло песка, и дверь заклинило. Калли вышла на улицу.

В грязном жилище у нее за спиной просыпались остатки Мобилизованной двадцать шестой. Робор по-прежнему пребывал в постоянном помрачении сознания — состоянии, в котором, Калли была уверена, умирающий принцепс общался с ним. Голла не спала, присматривая за ними.

Снаружи свет солнца был размытым и золотым. Пыльная взвесь опускалась, распространяя запах графита, и солнце пронзало ее лучами. Мир словно покрыли позолотой. Было тихо и спокойно.

Калли потянулась. Посмотрела на восходящее солнце и склонила голову, шепча утреннюю молитву. Когда нет алтаря, солнце тоже годится.

Сзади из дома вышел Жакарнов и уставился на белый свет, прикуривая лхо-сигарету.

— Прекрасное утро, мэм, — заметил он, возясь со своей бородой. — Какие планы на сегодня?

— Я думаю над несколькими из них. Хотите что-то предложить?

Жакарнов пожал плечами.

— В наших руках бесценная жизнь принцепса, — ответил он. — Я предлагаю идти к ближайшему улью.

— Понятно, — сказала Калли.

Дохая, словно плохо прочищенная печь, из модульного дома появился Фирстин. Жакарнов предложил ему лхо-сигарету, но Фирстин попросил лишь огонька и прикурил одну из своих вонючих черут.

— Ну наконец-то, — выдохнул он, сделав первую затяжку.

Калли сморщила нос, когда до нее долетело облачко дыма.

— Молодец вы, что нашли вчера это место, — сказала она Жакарнову.

Он словно удивился:

— Спасибо, мэм.

— Мы теперь все заодно, мистер Жакарнов, — сказала она.

— Людвин.

— Простите?

— Меня зовут Людвин.

— Значит, спасибо, Людвин.

Калли посмотрела на Фирстина, наслаждающегося куревом каждой клеточкой своего тела. Тот улыбнулся ей своими жуткими зубами и поинтересовался:

— Нет желания «ширнуть» вокс?

— Я подготовлю сообщение, — ответила Калли, демонстрируя инфопланшет.

— Очень осмотрительно, — заметил Фирстин, бросил окурок черуты и раздавил каблуком форменного ботинка. — Давайте, значит, вместе.

Фирстин откинулся от старого вокс-передатчика и вздохнул.

— В чем дело? — спросил Иконис.

— Батареи сгорели, — ответил Фирстин.

— Сдохли, ты хотел сказать? — спросила Калли. — Мы ведь поэтому и хотели их «ширнуть».

Фирстин потряс головой:

— Нет, я хотел сказать «сгорели».

— Но вчера ночью... — начала Калли.

— Вчера ночью с ними все было нормально, — перебил Фирстин. — Я их смотрел. Они были в норме. А теперь они сгорели.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что кто-то их уже «ширнул».

Калли повернулась к остальным.

— Кто это сделал? — спросила она. — Кто сжег наш единственный работающий вокс? — Ее рассерженный взгляд переходил с одного лица на другое. — Отвечайте! Кто это сделал? Кто вел передачу? Что передали?

— Смотрите сюда, миссис, — буркнул Фирстин. Он все еще возился у вокса. — Кто бы это ни был, он малость торопился. И кое-что оставил. — Фирстин открыл верхнюю крышку вокс-передатчика и показал на серебряный перстень, вставленный печаткой в гнездо считывателя. — Это, интересно, чье?

Он повернул перстень, отсоединил и передал Калли.

Он повернул перстень, отсоединил и передал Калли.

Та осмотрела кольцо.

— Это информационное кольцо, — пояснил Фирстин, — с зашифрованным ядром из секретного содержимого и настроенное так, чтобы подходить к любому стандартному порту считывателя

данных. Очень дорогой приборчик. Должно быть, чей-то.

Никто не произнес ни слова, но Калли уже и сама догадалась.

— Дженни?

Дженни Вирмак, свернувшаяся калачиком в углу, повернула голову к Калли, но в глаза ей смотреть отказалась.

— Это ведь твое?

Дженни кивнула.

— Что ты натворила, Дженни?

Та уставилась в пол.

— Я слышала, как мистер Фирстин рассказывал ночью, — тихо произнесла она, — о том, как «ширнуть» вокс. Я это сделала, когда вы все спали. Мой папа дал мне кольцо. Он сказал, что с ним я буду в безопасности. Он велел им воспользоваться, если у меня возникнут неприятности. Теперь он знает, где я, и его люди смогут меня найти.

— Ты передала наше местоположение?

— Как давно, Дженни?

— Часа три назад. — Она начала плакать.

Калли опустила кольцо в карман и повернулась к остальным:

— Тот факт, что вокс сгорел, — самая меньшая из наших проблем. Три часа назад мы выдали наше местоположение.

— И кто-то нас мог услышать, — произнес Иконис.

— Любой мог услышать, — поправила Рейсс.

Калли кивнула.

— Нам придется поторопиться, — сказала она.

Калли ушла в заднюю комнату, где сидел Робор, подключенный к принцепсу на носилках.

— Робор, — тихо позвала она, — ты меня слышишь? Робор, нам нужно идти.

Робор медленно поднял на нее слегка озадаченный взгляд, словно не узнавая.

— Замстак?

— Да, Робор. Мы должны уходить. Сейчас утро. Ты сможешь идти?

Тот подумал.

— Мы слабы, — ответил он тихо, — и дыра в сердце еще не зажила. Очень много боли. Повреждения памяти и психостигматическая нервная травма. Мы были соединены, когда умер БМУ. Мы можем не выжить. Выздоровление может оказаться непосильной задачей. Мы живем лишь потому, что Робор соединил нас в одно целое, чтобы поделиться своей силой и забрать часть боли.

— Я сейчас говорю с Робором? — спросила Калли.

— Конечно. Мы Робор.

Калли почувствовала, что у нее за спиной стоит Голла.

— Он такие вещи говорил всю ночь, — сказала та. — Они стали одним существом, как сиамские близнецы. Робор поддерживает в нем жизнь, беря на себя часть травмы.

— Это не опасно? — спросила Калли.

— Это не ко мне, Калли-детка. Я занимаюсь младенцами. В них я разбираюсь. А не в этих... — она кивнула на Робора и принцепса и замолчала, не зная, какими словами выразить свое отвращение.

— Он не сказал свое имя?

Голла помотала головой:

— Имя сказал, но не свое.

— Какое?

— «Тератос Титаникус».

Это имя, припомнила Калли, называл Стефан. Это имя принадлежало одной из самых прославленных махин Легио Темпестус.

Обыскивая Торный След при свете дня, Антик, Ласко и Вульк нашли старую четырехколесную тележку позади сарая. Это был простой деревянный щит с ржавыми железными ободами на погнутых колесах, но повозка была достаточно легкой, чтобы они могли катить ее, взявшись по бокам, и достаточно крепкой, чтобы выдержать носилки.

Мобилизованная двадцать шестая выбралась из модульного дома под размытый солнечный свет и принялась наблюдать, как Вульк, Иконис и Голла устраивают носилки на повозке. Передвигающемуся, словно лунатик, Робору придется идти рядом с повозкой, чтобы не разорвать соединение.

— Готовы? — спросила Калли. Несколько кивков в ответ, пара негромких откликов. Она вернулась в дом. Дженни Вирмак все еще сидела, сжавшись в углу.

— Дженни, пошли, — позвала Калли.

Дженни подняла взгляд. Глаза у нее были красные.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с вами? — спросила она.

— Конечно.

— Но я же... я...

— Я никого не бросаю, — твердо сказала Калли. — Поднимайся и собирай вещи.

Вернувшись на улицу к остальным, Калли услышала далекий рокот.

— Это что было? — спросил Антик.

— Гром, — ответила Калли.

— Точно?

— Будем надеяться, — сказала она.

>

Геархарт просматривал печальные донесения из Ореста Принципал. В голове не укладывалось, что кто-то мог сделать столь скандальное публичное заявление во время кризиса планетарных масштабов.

Пагубные данные были везде. Коммуникационная структура ульевой зоны была практически парализована потоками информации. Бессчетное количество людей пыталось инкантировать исходные данные и изучить их собственноручно. Они выгружали комментарии, ответы, запросы аутентификации, призывы к оружию, отчаянные взывания к здравому смыслу, испуганные вопли доктринальных терзаний и мольбы к наставлению и спасению души.

Ноосфера Кузницы стала практически некантируемой. Магосы и адепты, целые подразделения и отдельные специалисты оказались втянуты в яростные и совершенно глупые ноосферные дебаты. Не было никакого порядка, лишь противоречивые потоки данных — кипящий водоворот информации и мнений, комментариев и угроз, упреков и оскорблений. Формировались фракции, и Геархарт прочел как минимум дюжину открытых угроз применить насилие, однако что-то стоящее выудить из урагана информационного шума было очень трудно.

Геархарта встревожили эти открытия. Ни один служитель Механикус не мог остаться равнодушным к смыслу, который несли откровения, но внимание Геархарта было целиком занято походом и его успешным исполнением. Столпотворение, охватившее ульи, которые Геархарт пытался защитить, снижало эффективность его войск. Улей и его дочерние поселения могли лишиться действенной поддержки как в смысле материальных ресурсов, так и в плане координированных ответов военными средствами. Жизненно необходимые источники тактических данных из Принципала, включая доступ к «Враждебному каталогу» Аналитики, стали обрывочными. Более того, чрезмерное использование коммуникационных сетей и ноосферы оказывало влияние и на манифольд. Хотя и являясь отдельной системой, манифольд обслуживался коммуникационной структурой ульевой зоны, и менее чем за два часа скорость потока и время отклика упали на два процента.

Неприемлемо. Просто неприемлемо.

И в довесок ко всему новость привела в замешательство его экипажи. Информация распространялась по легию: через эшелоны сопровождения, через войска скитариев, через вспомогательную бронетехнику — к экипажам махин.

А день начинался так многообещающе.

На рассвете «Инвиктус Антагонистес» возглавил поход к улью Аргентум. Пять ударных групп, общим числом в двадцать восемь махин, перешли в наступление. Машина Геархарта возглавила первую группу, «Дивинитус Монструм» Бормана — вторую, «Сикариец Фазро» — третью, а

«Владыки войны» Темпестуса «Орестес Магнификат» и «Кулладор Браксас» удостоились чести командовать четвертой и пятой. Семьдесят два процента наземных войск Лау, усиленных колоннами скитариев Темпестуса, наступали вместе с махинами. Второй авангард, ведомый «Аякс Экзельсус» — бывшей машиной Левина, поднимался из Гинекса на юг, чтобы поддержать наступление на подходах к Аргентуму.

Ударные группы Геархарта вышли из Гокса при первых лучах солнца и двигались средним шагом в районы Иеромихи, за которые шли непрерывные тяжелые бои. После короткой паузы, когда катафрактерии Дорентины вступили в артиллерийскую дуэль с вражескими наземными войсками, наступление набрало скорость. В извилистых проходах комплекса тяжелого машиностроения «Борома Конструкт», раскинувшегося на пятьдесят гектаров у Проспекторского шоссе, пролилась первая за день настоящая кровь. «Филопос Маникс» Стента Расина, за которым по пятам следовал «Пес войны» «Предок Морбиуса», столкнулся с «Владыкой войны» Архиврага и разнес его на куски. Менее чем через десять минут «Венгесус Грессор» доложил об убийстве машины, а затем «Люпус Люкс», принцептура Кругмала, как настоящая умелая и верная охотничья собака, подкрался и спугнул пару вражеских «Разбойников», которые прятались в развалинах поковочных мастерских неподалеку от шалтарского ответвления от главного шоссе. «Люпус Люкс», быстрый и настойчивый, как и любой «Пес войны» легио, выгнал их на открытое пространство при мастерской поддержке заградительным огнем «Дивинитус Монструм» с дальней дистанции. Первый вражеский «Разбойник» подбили орудия «Амадеус Фобос» на главном шоссе. Это была кровавая и громкая смерть. Второй «Разбойник», сильно забирая к западу в попытке оторваться и уйти к Гоксу, на полном ходу выскочил прямо в зону поражения Геархарта, и тот прикончил его без всякого сожаления.

Настроение было отличное: четыре победы меньше чем за сорок минут — и путь на Аргентум открыт.

А затем до них дошли внезапные известия.

Все наступление замедлилось практически до черепашьей скорости — каждый ясно представлял себе значимость и возможные последствия таких новостей.

В лучшем случае то, что произошло накануне ночью в Оресте Принципал, являлось подрывным актом контрпропаганды, предназначенным сбить с толку и разъединить силы имперцев и Механикус. В худшем это был кризис веры в процессе назревания — раскол, который мог закончиться разделением Терры и Марса и, как следствие, позволить Архиврагу человечества выиграть не только эту войну, но и все войны вообще.

Это была потенциальная Ересь, оскорбляющая все, что Империум и Механикум вынесли вместе, и в том числе — последнюю великую Ересь, которая едва не уничтожила обоих. Геархарт знал это слишком хорошо. «Инвиктус Антагонистес» был там, и воспоминания о той жестокой и бесчестной эпохе все еще пятнали самые темные и дальние уголки БМУ.

Иногда Геархарт думал, не эти ли воспоминания способствовали его собственному неизбежному наступлению тьмы?

Ему стало не по себе — и сейчас над ним нависала тьма. Он чувствовал себя всеми этими механизмами, всеми маслами и сплавами — и остатками плоти этого... как его звали-то? Пьетора Gearхарта, вот как... Эти остатки плоти Пьетора Gearхарта перемалывались сейчас сцепленными черными зубчатыми колесами.

— Сигнал стоп машина — всем группам! — приказал он через аугмиттеры.

— Есть стоп машина всем группам! — ответил его модерати.

«Инвиктус Антагонистес» с глухим грохотом остановился, системы перешли в ждущий режим.

Внутри своего резервуара Gearхарт пытался стряхнуть темноту. Он не мог вспомнить имени собственного модерати. Он не мог вспомнить имени собственного модерати.

— Зофал?

— Да, мой принцепс? — откликнулся рулевой.

— Молодец, Зофал. Молодец. Держись наготове.

Значит, не Зофал. Черт возьми! Я не хочу кончить вот так. Я не хочу потерять себя вот так.

— Бернал?

— Да, мой принцепс?

Слава богу! Его зовут Бернал. Конечно, Бернал.

— Подойди сюда, — попросил Gearхарт. — Давай поговорим.

Бернал отсоединил крепления и выбрался из кресла. Gearхарт заметил, как он обменялся незаметными пожатиями плеч с рулевым и сенсори.

Они обеспокоены мной и моими странностями. Думают, что я схожу с ума и просто пытаюсь удержаться на плаву.

Бернал подошел к раке и встал по стойке смирно.

— Вольно. Можешь не напрягаться рядом со мной. Как давно мы друзья?

Бернал замешкался.

— Полагаю, я пробыл вашим модерати эти восемь лет и рулевым — двенадцать до этого, мой принцепс.

«Ты говоришь мне о своем послужном списке, Бернал, — подумал Геархарт. — Чего ты не говоришь, так это что мы никогда не были друзьями. Мы никогда не могли быть друзьями. Я служу тебе, и ты мой принцепс! Что ж, ты мне нужен, Бернал. Мне нужна твоя человечность, чтобы я сам оставался человеком. Я не уйду, как Каринг. Я не уйду, вопя, как он, забыв свое собственное имя».

— Экипаж обеспокоен, я полагаю?

Бернал пожал плечами:

— Новости тревожные, мой принцепс.

— Конечно. Но мне нужно, чтобы вы сохраняли сосредоточенность, все вы. Передай это остальным и напони им, как я ценю их мастерство.

— Слушаюсь, мой принцепс.

— Новости, распространенные сегодня, Бернал, — вещь возмутительная, я знаю. Но они не касаются махин.

— Не касаются, мой принцепс? — переспросил удивленный Бернал.

Геархарт кивнул:

— Нет. Не касаются сейчас, когда мы при исполнении. Сражение — вот что должно занимать наше внимание. Мы не можем позволить этой беде расстроить нашу игру. Ты понимаешь?

— Да, мой принцепс.

— Эти заявления могут быть правдой, а могут и не быть. Не нам решать, Бернал. Мы люди махин. Мы оставим такие вопросы ученым и магосам. Мы просто должны сосредоточиться на своей работе и выполнить ее.

— Да, мой принцепс. Но...

— Но что? Говори открыто, Бернал.

Модерати Бернал явно чувствовал себя не своей тарелке.

— Что если это правда, мой принцепс? Что тогда?

Геархарт осклабился:

— Тогда нам, возможно, придется драться еще в одной войне, когда закончится эта, друг мой. Так что давай будем заниматься ими по очереди, хорошо?

Бернал улыбнулся и кивнул:

— Конечно, мой принцепс.

— Я хочу провести совещание с другими ударными группами. Пока я буду этим заниматься, займи экипаж, а потом выдай мне самую свежую тактичку, что есть в манифольде. Это все. Молодец, Зофал.

— Бернал, сэр. Я Бернал.

Геархарт попытался выкрутиться:

— Конечно. Ошибка аугмиттера. Я прошу прощения, Бернал. Голова занята сотней разных дел.

— Не нужно извиняться, мой принцепс, — ответил Бернал.

— Очень хорошо.

Бернал вернулся в свое кресло.

Черт, черт, черт! Такое — прямо ему в лицо. Черт! Я отказываюсь тонуть. Я — отказываюсь!

Геархарт активировал манифольд и пооткрывал каналы связи отработанными гаптическими жестами — руки порхали в теплой жидкости. Через несколько секунд виртуальный контакт был установлен с Борманом, Кунгом, Крузием, Лау и Ковеником.

<Итак, мои чертенята, что мы думаем обо всем этом?> — прокантировал Геархарт.

Если не обращать внимания на легкое подрагивание гололитических изображений, все пятеро словно вживую стояли вокруг его раки.

<Будут большие неприятности>, — прокантировал Борман.

<Безусловно>.

<Я считаю, что это проделки Архиврага, — прохрипел Лау. — Нет ли каких-то доказательств, что это информационная диверсия, задуманная, чтобы подорвать наши силы?>

Геархарт пожал плечами:

<Крузий?>

Изображение Крузия было мрачным и настороженным.

<Мой фамулюс был в Аналитике, когда произошло это возмутительное событие, господин. Я велел ему установить источник и происхождение данных — силой, если будет необходимо. На данный момент нет никаких признаков, что это работа врага. Системы и сети Кузницы надежно защищены>.

<Ясно>.

<Мы приостанавливаем поход, сэр?> — прокантировал Борман.

<Ты когда-нибудь слышал, чтобы я отказался от боя, первый принцепс?> — прокантировал в ответ Геархарт, свирепо ухмыляясь.

<Нет, принцепс максимус, не слышал>, — без обиняков откантировал Борман, возвращая ухмылку.

<Тогда ты сам ответил на свой вопрос. Мой дорогой магос навис, что ты можешь сообщить?>

Изображение Ковеника, главы флота Инвикты, транслировалось в манифольд с его корабля, находящегося на низкой орбите. Ковеник был старым, бородатым, пухлым мужчиной, череп которого усеивали аугментические имплантаты. Он был лучшим главой флота, которого когда-либо знал Геархарт.

<Флот рассредоточен, господин, — прокантировал в ответ Ковеник. — Я держу резервы наготове. Они могут высадиться по вашему приказу через два часа. Я взял на себя предосторожность геосинхронизировать нашу главную эскадру крейсеров над Орестом Принципал>.

Геархарт кивнул:

<Ты предвосхитил мою просьбу, Ковеник. Именно об этом я и собирался попросить>.

Ковеник улыбнулся и смиренно поклонился.

<Стягивай весь флот, Ков, старый ты черт. Мы, может, и не могучий Имперский Флот, но больно сделать можем. Наметь цели во всех ключевых локациях ульевой зоны и заряжай главные батареи>.

<Слушаюсь, милорд. Вы ждете, что неприятностей прибавится? От наших?>

Геархарт вздохнул:

<Я не хочу пройти с Легио Инвикта это исполнение, а потом обнаружить за спиной вспыхнувшую гражданскую войну. Данные, что опубликованы, — это подстрекательство. Они уже вызвали гражданские беспорядки в ульях, а дальше может стать еще хуже. Если имперские фракции почувствуют за этим угрозу с нашей стороны...>

<Я понимаю, сэр>, — прокантировал Ковеник.

<Не только имперцы>, — тихо намекнул Кунг.

Все повернулись к принцепсу «Сикарийца Фаэро». Тот неуверенно пожал плечами:

<Я заметил, что вы собрали здесь всех нас, но не пригласили принцепсов махин Темпестуса>.

<И почему бы это, Вансент?> — спокойно осведомился Геархарт.

Кунг нахмурился:

<Я полагаю, по причине расхождений в наших верованиях, господин. Легио Проксима всегда верили в безусловную божественность Императора как Омниссии. Мне дали понять, что Кузница Ореста с этим не согласна. Они уничижительно называют наши верования «новым путем». Кузница Ореста учит идеям, что Бог-Император и Омниссия — вовсе не одно и то же>.

<Я знаком с их онтологической позицией, Вансент>, — прокантировал Геархарт.

<Данные, опубликованные сегодня ночью, — если они достоверны — доказывают их точку зрения и подтверждают истинность их учения. Если все так обернется, то, не подчинившись и не отрекшись от своей веры, мы можем быть сочтены еретиками. И следовательно — противниками>.

<Такая мысль уже приходила мне в голову, господин>, — прокантировал Крузий.

<Она приходила всем нам, Крузий, — отрезал Геархарт. — Мы должны быть готовы защищать свою веру. Если эти данные толкнут нас к гражданской войне, мы увидим не только войну имперцев против Механикус. Сам Механикус будет разрезан по живому. Ковеник?>

<Милорд?>

<Отправь краткое изложение проблемы как можно быстрее на Марс. С моей печатью>.

<Господин, я уверен, что о ситуации уже сообщили...>

<Но не мы. Изложи факты и сформулируй нашу позицию. Срочно запроси, чтобы магосы Марса немедленно изучили вопрос в деталях и сообщили о своем решении и выводах непосредственно тебе для моего рассмотрения>.

<Сейчас же займусь этим, господин>, — прокантировал в ответ Ковеник.

<Экзекутор?>

<Милорд?>

<Вырази мою поддержку лорду-губернатору. Заверь Алеутона, что Механикус не собирается бросать Орест на произвол судьбы>.

<Механикус, господин?>

<Я тебя понял. Тогда Легио Инвикта. И вырази мое неудовольствие адепту сеньорус Имануалу. Передай ему, что я жду, что он приведет свою Кузницу к порядку. Паника должна быть остановлена и взята под контроль. Передай ему, что в противном случае мое неудовольствие перерастет в гнев>.

Изображение Крузия кивнуло.

<Это все, господа. Идем дальше>.

Машины возобновили свое тяжеловесное движение. Почти сразу же «Предок Морбиуса» совершил еще одно убийство — выскочивший вражеский «Пес войны», который попытался сбежать через чистое место за двумя разбомбленными мануфакториями, был мгновенно и безжалостно свален.

Геархарт подключился через манифольд и воспроизвел запись оружейной камеры «Предка». Отклик воспроизведения запаздывал почти на три процента. Геархарт смотрел, как пал вражеский «Пес войны», сперва подбитый в ноги огнем «Предка Морбиуса», когда попытался сбежать, а затем, подорванный, он лежал, ворочаясь на боку, поврежденный слишком серьезно, чтобы снова встать. Макс Орфулс был чертовски хорошим принцепсом. Ни пощады, ни лишних движений. Точность его смертоносных выстрелов была просто феноменальной.

Геархарт взмахом вывел из буфера в поле зрения свою копию еретических данных. Он изучал ее, озадаченно и любопытствующе. Данные были похожи на подлинник, однако Геархарт оставлял подобные определения ученым экспертам.

Если данные окажутся правдой, то все, во что он верил, будет повергнуто, и культуры Человечества и Механикус будут повергнуты вместе с ним.

>

— Только что пришел приказ возобновить движение, мой принцепс! — выкрикнул сенсор.

Руфус Джослин, принцепс «Орестес Магнификат», шевельнулся внутри амниотической раки и поднял голову.

<От кого приказ?> — прокантировал он.

— От лорда Геархарта, мой принцепс.

Джослин впустил манифольд, гаптически отодвинув копию опубликованных данных, которую изучал до этого.

<Подтвердите получение приказа. Полный вперед!>

<Есть полный вперед!>

Джослин являлся первым принцепсом Легио Темпестус и с момента кончины неделю назад своего принцепса максимус Сорлана Вейкота был назначен временно исполняющим обязанности командующего всем оставшимся составом титанов Кузницы Ореста. Исключительный махинный офицер, Джослин был преуспевающей личностью, на восемьдесят процентов бионической и непоколебимо твердой в своей вере.

Данные, которые распространила Кузница минувшей ночью, были ободряющими, наставляющими, освобождающими. Наконец-то истина. Больше никаких раскольнических вопросов, никаких дебатов, никаких споров. Проверенная, неопровержимая истина. Галактика вскоре изменится к лучшему. Настала пора Марсу подняться к своему господству.

Джослин понимал, что процесс этот будет болезненным и трудным, но Механикус достаточно прожил под властью Терры и ее наглого Императора. Машинные духи наконец-то возликуют. Ложь будет повергнута.

<Модерати Гленик?>

— Здесь, мой принцепс!

<Будь добр, подготовь расчет поражения махин Инвикты, пока мы идем>.

Гленик замялся:

— Махин Инвикты, мой принцепс?

<Ты слышал меня, модерати>.

— Но зачем, мой принцепс?

<Истина была открыта, модерати. Механикус стоит на пороге новой эры, и Легио Инвикта, как ни больно мне это говорить, может не принять эту новую эру без боя. Так давайте позаботимся — тихо — о том, чтобы быть готовыми дать им этот бой>.

>

— Зачем ты это сделала, Калиен? — спросил Файст.

Та пожала плечами:

— Книга должна была стать известна всем.

— Ты хоть представляешь себе, что натворила, адепт? — спросил Иган.

— Да, и мне все равно, — ответила Калиен. Она сидела в кресле в помещении для частных бесед, напряженно сложив руки на груди и ни на кого не глядя.

<О, я думаю, что все-таки смогу сделать так, что тебе будет не все равно, адепт>, — проговорил через аугмиттеры Соломан Имануал, входя в комнату.

Адепт Калиен побледнела при виде адепта сеньорус. Она соскользнула с сиденья и опустилась на колени.

<Встань, девочка>.

— Нет!

— Твое неповиновение когда-нибудь кончится, ты, глупый, мелкий шунтированный металлолом? — зарычал Иган. — Встань, когда тебе говорит адепт сеньорус!

<Оставь ее, Иган>, — приказал Имануал и выставил манипулятор, призывая к тишине.

С почтительной поддержкой Файста адепт сеньорус согнулся рядом с объятый страхом девушкой.

— Калиен? — прошептал он, переходя на плотский голос. — Калиен, ты совершила ужасную вещь. Я, пожалуй, понимаю, зачем ты это сделала, но — последствия... Только Трон знает, как далеко это зайдет.

Калиен ничего не ответила.

Файст осторожно поднял немощного адепта сеньорус на ноги.

— Позвольте мне поговорить с ней, господин, — предложил он.

Имануал кивнул и опустился в кресло, освобожденное Калиен. Файст уселся на пол рядом со сжавшейся фигуркой всхлипывающей Калиен.

— Хватит, — велел он. — Я думал, ты сильная. Ты изводила меня в Аналитике, как последняя сволочь. Файст это, Файст то. Я считал, что в тебе есть стержень.

Калиен рывком подняла к нему лицо — глаза у нее были мокрые, из носа текло.

— Есть! И подтверже твоего, Файст! Ты трус, раз не сделал этого сам. Ты не понимаешь, что ты нашел?

— Размышление: да. И поэтому я обратился с вопросом прямо к нашему владыке адепту сеньорус.

— И зачем тебе понадобилось вообще что-то спрашивать? — презрительно усмехнулась она.

— Со столь деликатными данными...

— Мы — Механикус! — оборвала она. — Данные либо есть, либо их нет! Истина или мусорный код! Знание — это двоичное состояние! Нет никаких промежуточных значений, над которыми мы должны совещаться и спорить. Если мы нашли истину, она должна быть рассказана!

— Чью истину, Калиен? — спросил Файст. — Какую истину? Кто это решает?

— Мы решаем! — прошипела она.

— Ты увидела данные, которые обнаружила Лунос. И украла их с моего рабочего стола.

— Какое это все имеет значение? То, что я шпионила за тобой и влезла в твои секреты? Это преступление бледнеет перед твоим преступлением. Ты скрыл то, что, безусловно, должно было стать известно всем!

— И ты распространила их?

— Да что с тобой такое? Это — истина. Подтвержденная истина! Мы жили в тени Императора слишком долго!

— Мы находимся в самом разгаре войны, Калиен, — мягко сказал Файст. — Ты не подумала, что сейчас не самое лучшее время, чтобы раскрывать разжигающие вражду заявления?

— Нет, я...

— Тогда ты просто наивна. Истина эти данные, как ты заявляешь, или нет — их раскрытие снова открыло раны раскола внутри Кузницы — и между Механикус и имперцами. Ты ослабила и разъединила нас перед лицом Архиврага. Мы можем проиграть. Мы можем не выжить.

— Но...

— Это был всего лишь старый документ, Калиен, — сказал Иган.

— Дополнение: он не был проверен, — сказал Имануал. — Старые документы полны лжи. Я знаю, я повидал их на своем веку. Они полны лжи.

— Это вы полны лжи! — заворчала она, отводя глаза. — Он был признан абсолютно подлинным. Никакой лжи, только истина!

— Ты обманула мое доверие, — сказал Файст.

Калиен прямо взглянула на него. Она горела уверенностью в собственной правоте, но в ней

было что-то еще — что-то, что начинало разрушать ее вызывающий вид. Файст видел это в ее глазах и дрожании губ.

— Мне плевать на вас, — сказала она. — Я сделала это во имя Деус Механикус. Я сделала это во имя нашего бога.

Имануал повернулся к Игану:

<Я услышал достаточно, Иган. Пресеките распространение данных. Сотрите их — с максимальной интенсивностью, если потребуется. Дайте указания магосам-пробандам проследить за чисткой. Вычистите наш дом и прикажите скитариям подавить — силой, если придется, — любое сопротивление. Я хочу, чтобы Кузница и улей были приведены к спокойствию в течение часа и...>

— Она действовала не одна, — тихо произнес Файст.

— Что ты сказал, адепт? — переспросил Иган.

Файст умолк. Он сидел на жестком металлическом полу рядом с Калиен, спрятавшей лицо в ладонях.

— Она не справилась бы одна. Кто-то снабдил ее средствами, способными украсть данные с моего рабочего стола. Кто-то использовал ее.

— Адепт Файст, — сказал Иган, — это серьезное обвинение.

Дверь позади них открылась, и в комнату вошел магос Толемей, глава архивов. Его сопровождали четверо грозных воинов-скитариев под предводительством Энхорта, экзекутора-фециала Легио Темпестус.

<Адепт сеньорус, я хочу знать, что вы делаете с моим адептом, — отрывисто прокантировал Толемей, указывая манипулятором на Калиен. — Я не потерплю, чтобы на моих глазах притесняли моего подчиненного>.

Имануал устало поднял на него глаза:

<Это она, Толемей. Она — та, кто запустил эту панику. Высказывание: как ты смеешь являться сюда, да еще с моими скитариями?>

<С вашими скитариями? — неприятно улыбнулся Толемей. Его кант звучал резко и грубо. — Добро пожаловать к истине и будущему!>

Толемей подал знак. Скитарии по обе стороны от него подняли оружие и взяли на прицел адепта сеньорус.

— Ну наконец-то, Толемей! — произнес Иган.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660683>